

В ОТРАЖЕННОМ СВЕТЕ
«МОСТЫ», ЭМИГРАЦИЯ, РОССИЯ

Весной 1958 года историка и публициста Николая Ивановича Осипова и меня пригласили на собеседование в ЦОПЭ, — в Мюнхене была тогда такая организация: Центральное Объединение Политических Эмигрантов из СССР. Приняли нас ее председатель Ф. Т. Лебедев и член правления Ю. А. Письменный. Они сказали, что ЦОПЭ собирается издавать «толстый» альманах, страниц на 400, три-четыре раза в год, но так, чтобы он не был повторением других изданий эмиграции, бывших или существующих. Он должен иметь особый облик, быть более живым, современным. Задача альманаха — «переброска мостов» между эмигрантской и западной интеллигенцией и подсоветской, он и называться будет — «Мосты». Нас спросили, как мы относимся к этому намерению.

Н. И. Осипов отозвался положительно, но сдержанно; мне он потом говорил, что не верит в жизнеспособность издания, которое хотят сделать каким-то особенным, видимо не отдавая себе отчета, в чем же должна заключаться его особенность. Возразил он против названия: «Мосты» — тотчас же заподозрят в мостостроительстве, в коммунистическую сторону, и лучше не давать повода для подозрений.

Я присоединился к Осипову; мы предлагали найти другое название, — например, взять заглавие одного сборника Пастернака: «Поверх барьеров», что хорошо покажет задачи нового издания (тогда альманаха Р. Н. Гринберга «Воздушные пути» еще не было). Но я вообще отнесся к намерению издавать «Мосты» отрицательно.

У меня был некоторый опыт эмигрантской издательской работы. В начале пятидесятых годов я работал заместителем главного редактора «Посева», был я и в редколлегии «Граней» и хорошо знал, насколько уже тогда бедна была эмиграция литературными силами, да еще для такого издания, как затевавшийся альманах. В то же время в эмиграции есть три постоянно выходящих журнала — «Новый журнал», «Грани», «Возрождение», которые могут использовать все достаточно ценные рукописи, наличные и будущие. Появление еще одного издания только распылит силы и неизбежно поведет к снижению требований к рукописям, к понижению качества. И надеяться, что альманах удастся сделать «особенным», никак нельзя. Затратив побольше сил и средств, может быть удастся выпустить один, два таких альманаха, — дальше придется «по одежке протягивать ножки» и именно повторять другие издания.

Все это я изложил, правда, не надеясь, что мои доводы расколотят инициаторов этого альманаха: было видно, что они уже ре-

шили его издавать. Позже я узнал, что он нужен был ЦОПЭ прежде всего по соображениям престижа. Но были соображения и другого порядка: на родине продолжалась «оттепель», на Западе укрепилась идея «наведения мостов», что обещало поддержку разных кругов, — в этих условиях попытка серьезной целенаправленной работы могла казаться оправданной.

Тогда я не мог и предполагать, что пройдет немного больше года — и мне придется взяться за выпуск того самого альманаха, надобность которого я решительно отвергал. Но так получилось. Осенью того же года мюнхенская редакция «Голоса Америки», где я работал, закрылась, меня усиленно приглашали работать в ЦОПЭ и мне пришлось туда пойти. Сначала меня ввели в редколлегия «Мостов», а на следующее лето, как я ни отказывался, по настоянию и руководства ЦОПЭ, и финансировавших альманах, мне пришлось взять на себя его выпуск. Как я и говорил, работа по его изданию столкнулась с большими трудностями и настаивавшие считали, что я лучше справлюсь с ними.

Первая книга «Мостов» вышла в конце 1958 года, к ее выпуску я отношения не имел. Она несколько отличается от последующих: сказались особые старания редакции. Но их хватило только на одну книгу, — для второй материала было мало и чтобы выпустить хотя бы две книги в год, вместо предположенных трех-четырёх, надо было браться за дело энергичнее. Мне удалось получить несколько рукописей, — вторую книгу мы с Ю. А. Письменным, первым редактором «Мостов», составили, но в спешке, сразу попав в то незавидное для редакции положение, когда она не столько выбирает необходимый ей материал, сколько пользуется любым попадающим к ней, пригодным с литературной и общественной точек зрения.

В этом положении, разумеется, не приходилось и думать, чтобы выпускать альманах какого-то особенного, невиданного типа. Но вместе с тем: две книги выпущены, деньги есть, многие наши писатели выход «Мостов» одобрили, — я считал, что недопустимо было бы не использовать все эти «попутные ветры». Я был против затеи с новым альманахом, но если уж она начата, обязательства даны, надо их выполнять, несмотря на все трудности.

В то время в Мюнхене, как и в других центрах эмиграции, литературная жизнь, — если пользоваться этим термином, — едва теплилась. Постоянно или периодически у нас жило несколько писателей, поэтов, публицистов, изредка мы встречались у кого-нибудь, иногда устраивали даже литературные чтения, вечера, — помню пять-шесть таких вечеров, за шесть-семь лет. Но никаких кружков или подобия организационных связей в литературной среде не было и попытки создать их были бы искусственными и напрасными. Как-то соединить всех в одно было немыслимо и незачем: словно чего-то не хватало в литературном воздухе, что могло бы оживить, придать некое общее движение, общую заинтересованность всем этим разным людям с разной творческой устремленностью. Но это касалось не только нас, а всей литературы нашего времени: не мы

одни были в этом странном состоянии общественного полусна, полубдения, аморфности, неопределенности.

На редких более широких встречах оно не было темой обсуждения. В ЦОПЭ, например, иногда, тоже очень редко, устраивались доклады известных писателей; я несколько раз приглашал искусствоведов В. В. Вейдле и В. П. Зубова, профессора Ф. А. Степуна, но их доклады посвящались отдельным специальным темам. В частных разговорах общее состояние литературной жизни, конечно, затрагивалось не раз, но больше поверху.

Это состояние и разговоры сказывались на моем отношении к работе с «Мостами», тем более, что в общественных делах я не привык полагаться только на свои силы. И я часто советовался, например, с постоянно жившим в Мюнхене Ф. А. Степуном, хотя и не во всем соглашаясь с ним, чего он и не требовал и что было не обязательно.

Федор Августович Степун был очень живым, красочным человеком, с ярко выраженным артистическим темпераментом. Немного моложе Бердяева, Франка и других философов и писателей нашего религиозно-философского ренессанса, по общности мироощущения Степун примыкал к этому же течению; участвовал он и в «новоградском движении», как и в выпуске «Современных записок» и других изданий эмиграции двадцатых и тридцатых годов и был заметной фигурой русского зарубежного мира. Конечно, он был типичным представителем «старой школы» русской интеллигенции — и может быть поэтому мы целиком расходились с ним по одному из главных вопросов: он считал, что «Мосты» непременно должны быть «направленческими». «Вы должны ясно знать, чего добиваетесь, с чем идете: каковы ваши идеи? О чем вы будете писать, что проповедовать?» — говорил Степун. Я возражал, напоминая, что и до войны, когда эмиграция была несравненно богаче людьми и идеями, направленные журналы плохо удавались и долго не выживали. Тем более теперь, после того, как прибавилась еще катастрофа второй мировой войны, откуда взять уверенность, что нужны эти идеи, а не другие? И нужно ли «проповедовать» — может быть это не то слово? Общее направление у нас есть и без него мы, эмигранты, теряем всякое свое значение — это направление антикоммунистическое. Здесь колебаний не может быть, но дальше — нужна ли некая «несгибаемость» нашего общественного и политического поведения? Особенно для «Мостов», издания не партийного, скорее форума обсуждения мнений, а не проповеди их?

«Но тогда — просто витрина, где выставлена всякая всячина, любой цены и на все вкусы?» — сердито замечал Степун. «Витрина» его не устраивала.

Он был независимым человеком и в высказываниях не стеснялся. Расскажу попутно любопытный случай. Году в 62-м в Мюнхен приехал Евтушенко. Немцы, из «передовых», всполюшились, они готовы были носить гостя на руках. У нас возникла мысль предложить ему встретиться, — не помню, кто это предложил, у Степуна на квартире. Степун одобрил, я тоже согласился и послал Евтушенко письмо, на бланке «Мостов», в гостиницу, где он жил. Ответа не

пришло, но продолжение истории было. Дня через два в одном немецко-русском доме в честь Евтушенко был большой прием, на который усиленно приглашали Степуна, давая понять, что высокий гость хотел бы познакомиться с ним. Степун пошел, к нему подвели Евтушенко, — Степун первым делом спросил: получил он наше письмо? Тот ответил, что получил, но — на какие деньги издаются «Мосты»? Степун, и глазом не моргнув: «Ясно, на американские, на какие же еще? А разве это мешает?» Осторожному Евтушенко, знавшему, до какой черты можно идти, мешало: он сказал, что именно поэтому согласиться на встречу не мог. И поспешно отошел с хозяевами дома. Очень может быть, что ему хотелось только увидеть Степуна, а не говорить с ним, да еще при толпе свидетелей . . .

Я сознательно остановился на «витрине», которая, по-моему, подсказывалась и другими соображениями. К середине пятидесятих годов полтора десятилетия эмигрантской жизни убедили меня в неосостоятельности и ненужности больших политических «массовых организаций», массовость которых, к стати, всегда была относительной. Эмиграция сильно постарела и чем дальше, тем больше годилась главным образом лишь для обслуживания самой себя, для поддержания внутренней эмигрантской жизни, или для кабинетного типа теоретической, издательской, информационной деятельности. Общественно-политическое значение, в смысле оказания влияния в России, в эмиграции имеют всего несколько десятков продолжающих работать в своей области писателей, ученых, публицистов, которых ни в какие политические организации не привлечешь и которых туда не надо и привлекать. Чем свободнее они будут себя чувствовать, тем лучше для всех и надо лишь стараться использовать плоды их труда, самой большой общественной ценности нашего зарубежья.

Несколько десятков писателей, публицистов — большая сила, способная полностью оправдать существование эмиграции. Но ей необходимо место реализации своего труда, чтобы он не оставался напрасным, неизвестным — и «Мосты», еще одна «витрина», должны таким местом служить.

Отвечала «витрина» и изменившимся задачам эмиграции. Ее первая большая волна, начала двадцатых годов, главной своей задачей считала сохранение и развитие за рубежом русской культуры. Она обладала для этого необходимыми данными: в эмиграции оказалось много лиц, принадлежавших к верхам русской культуры. В то же время в России шел большевистский погром культуры и никакие отдельные усилия не могли спасти ее ни от первоначального разрушения, ни от последующего планомерного извращения и попыток уничтожения. Видя этот погром, эмиграция естественно считала себя ответственной за сохранение культуры своей родины.

Но прошло два десятилетия, затем опустошительные годы второй мировой войны — эмиграция сильно поредела, и постарела. А вторая большая ее волна, военного и послевоенного времени, резко отличалась от первой: интеллигенции в ней было мало, и новой формации, — она неизбежно во многом должна была оказаться другой.

Не было в ней и общепризнанных имен: как правило, писателям, ученым, публицистам из второй эмиграции надо было еще проявлять себя, находить свое место.

Эти изменения и вызвали то, что задача сохранения и развития русской культуры, если не считать, может быть, усилий отдельных лиц, эмиграции стала уже не по плечу. И она фактически вернулась на родину, к новым поколениям, в чем огромную роль сыграла война, выявившая неуничтожимость русской духовной и культурной традиции и оживившая национальное самосознание. Затем смерть Сталина повлекла за собой хотя бы частичное, почти условное освобождение мысли от тотального подчинения марксистско-ленинской догме, что позволило вести некоторую работу по восстановлению этой традиции. Сталкиваясь с огромными препятствиями, в очень тяжелых условиях, работа эта все же ведется — и нам остается, в меру сил, всячески содействовать ей. Не сохранение и развитие русской культуры, а посильное содействие сохранению и развитию ее, помощь трудной работе по восстановлению ее на родине — вот реальная задача, решению которой мы можем помогать, без ненужной гордыни, заносчивости и хвастовства. Этому и должна служить наша «витрина».

Могут сказать, что я много внимания уделяю состоянию эмиграции, а не собственно «Мостам». Но «Мосты» — эмигрантское издание, они выходили не в безвоздушном пространстве. И они надолго останутся в библиотеках: представление о них можно будет составить всегда, перелистав их пятнадцать книг. Но почему они такие, представление о том, в какой обстановке они выходили, из них не почерпнешь. Между тем жизнь, внешне, меняется быстро и память об этой обстановке вряд ли намного переживет нас.

Условия наши своеобразны и не были и не могут быть легкими уже потому, что эмиграция — явление ненормальное, отклонение от нормы. Тем более отклонение — ее литературная жизнь. Но это не всегда осознается. Недавно, например, в одной статье я упомянул о тяжелом положении эмиграции, — редакция газеты слово «тяжелое» вычеркнула. И в самом деле: почему «тяжелое», если все сыты, одеты, устроены? Но ведь не об одной «материи» речь, когда мы говорим о литературной жизни эмиграции.

В этих словах — «литературная жизнь» — слышится словно неверный, надтреснутый звук. Да есть ли она у нас? Или то, что мы по привычке называем ею, только что-то схожее, только отражение того, чего нет и что со всем правом может считаться литературной жизнью? Да есть ли она и на родине, где из более чем двухсотмиллионной людской массы неостановимо поднимаются новые и новые таланты, — но где и для литературы ввели жесткий регламент, приказ, инструкцию, превращающие ее лишь в инструмент политической обработки душ?

В век всяческих чудесных открытий, увенчанных пока что проникновением в ядро атома и в темную глубь космоса, литература, несмотря на ее внешне блестящее шествие, — множество имен и талантливейших книг, большие тиражи, шум премий, рекламы, —

словно бы отодвигается с авансцены все дальше к кулисам. Она как бы превращается во что-то подсобное, прикладное, — а не в хлеб, без которого нельзя жить. Это уже не хлеб, а так, соус, приправа к хлебу насущному и без нее при случае можно обойтись.

Но может быть эти мысли — заблуждение, ошибка, вызванная тем, что мы привыкли смотреть на литературу снизу вверх, склоненные к этому величественной классикой? Литература — это Шекспир, Сервантес, Гете, Достоевский, Толстой, равные им вершины. Это литература, как бы по разному ни относились к ней, открывавшая людям их самих — и приобщавшая к вечности. Это литература о вечном и никогда только о временном — в противовес нынешней, занятой не столько раскрытием души, жизни, в их цельности, сколько, пожалуй, равнодушной вивисекцией. И являющей нам не кипение страстей, не борение добра и зла, а преимущественно разъятую на части плоть, разящую трупным запахом.

Мы недаром часто вспоминаем рассказ Бунина о том, как Чехов ему говорил: «Вот умрет Толстой — и все пойдет к черту. — И литература? — И литература». И разве не оправдалось чеховское предчувствие? Уже больше полвека, как нет нового Толстого, нет «даже» Чехова и мы готовы довольствоваться собирательным Боборыкиным и возводить его на толстовскую высоту. Почему же получилось так? Может быть потому, что в XIX веке еще была вера в Бога, сохранявшая веру в человека, — а в обезбоженном мире может жить только приниженный обезбоженный человек?

В этих мыслях вероятно есть много горького преувеличения, — но сколько-то есть и правды. Иначе не объяснишь, почему едва ли не всю современную литературу, включая самую талантливую, самую умную, привлекающую гурманов тонким изыском или покоряющую рядового читателя благородной простотой, подчас и против воли своей воспринимаешь как временную, говорящую не о вечном, а о преходящем. Это почти всегда — часто даже отличные свидетельства о нашем времени, потребные и нам, и тем, кто будет после, но они только в редких случаях приоткрывают узкую щелку в вечность, только на малую долю секунды позволяют ощутить слияние с ней. И не потому ли нынешние изображения вечного обычно производят впечатление лишь повторения известного, того, о чем давно сказали нам классики мировой литературы?

Литература России и ее эмиграции не может выйти из полосы общего кризиса литературы и искусства, из общего духовного кризиса. Болезненно переживая его, русская литература потому и спустилась с недавних высот, продолжая светить лишь их отраженным светом. Она стала литературой свидетельства о временном. Но невозможно недооценивать важность этого свидетельства: ведь только свидетельствуя, снова и снова переживая тяжкий опыт времени, его ошибки и преступления, можно найти путь преодоления вселенских бед, совпадающее с поступательным движением раскрытие и понимание вечности. И тогда из временного снова откроется дорога в вечное, восстанавливающая цельность настоящего, теряющего сейчас связи с прошлым и будущим.

Эти мысли не настраивают на чрезмерный оптимизм, как и на прометеевские порывы. Но может быть и к лучшему. Современное прометейство утратило похищенный когда-то огонь, оно слепо мечется, выливаясь в безудержный экстремизм и разрушительный произвол, в несуразный бунт, только усугубляющий тяжелый недуг. И в нынешних потемках, в сумятице и путанице, продвигаться можно лишь ощупью, осторожно нащупывая может быть спасительные тропы.

Не претендуя на безошибочность этих взглядов и настроений, работая с «Мостами» я не мог не иметь их в виду. Они и объясняют то, что на вопрос о вкладе «Мостов» в русскую литературу, в сущности, нечего ответить: мы не сделали ничего необычного, такого, чего не делали бы другие наши зарубежные издания. И я сейчас полагаю, что «Мосты» могли бы и не быть, в особенности если бы другие издания придерживались несколько иной редакционной практики. И наш «вклад» ничем существенно не отличается от того, что печаталось в других изданиях, ни по литературным достоинствам, ни по содержанию.

В «Мостах» есть немало и слабых вещей, но выпуск подобных изданий неизбежно сопряжен с необходимостью уступок в оценке рукописей и с другими соображениями, подчас не литературного порядка, а порой и анекдотическими. Например, ныне уже покойный писатель почти обязался дать неизвестные письма Горького, важные для его биографии, — если сначала будет напечатан его довольно большой рассказ. Я взял его рассказ, очень слабый, он был напечатан, — а писем Горького мы так и не получили. Другой обещал прислать значительную вещь — и прислал рукопись, которую пришлось взять только для того, чтобы не потерять этого автора. Такие случаи бывали не раз, но они, повторяю, в издательской работе неизбежны.

Лет двадцать тому назад я просмотрел все многочисленные книги самого прославленного эмигрантского журнала, «Современных записок», вышедших почти два десятилетия. В них было напечатано много ценных и значительных произведений, которые останутся, как принято говорить, навсегда, хотя это «всегда» отнюдь не бесконечно. Но еще больше в журнале такого, что уже тогда утратило всякий, даже исторический, интерес. Когда публиковалось, очень может быть, это устаревшее казалось интересным и важным, но для нас стало серым, скучным и ненужным. Но это судьба всех периодических изданий: публикуемое в них скоро стареет. И невозможно подсчитать, сколько переживает свое время: 10, 15, 20 процентов?

Вместе с тем неустаревшее в «Современных записках» хоть сейчас можно издать отдельными сборниками — получится несколько ценных книг. Так и с «Мостами» и с другими зарубежными изданиями: просматривая их видишь, что они содержат много нестареющего материала, который мог бы составить несколько ценных сборников.

Если прибегнуть к господствующей в наши дни повсюду статистике, то можно упомянуть, что в пятнадцати книгах «Мостов» бы-

ли опубликованы беллетристические произведения, стихи, статьи, мемуары, письма и другие материалы более чем двухсот авторов. Часть их — иностранные писатели, мы печатали переводы из их произведений; у многих авторов напечатана только одна вещь, у других несколько — всего в «Мостах» было напечатано более четырехсот различных произведений.

Но цифры тут мало что могут сказать, разве подтвердить, что «Мосты» действительно были «витриной». Сооружая ее, мы старались привлекать самый разнообразный материал, который говорил бы о нашем времени или его истоках, в любой форме и области. Теоретические и критические статьи, мемуары, письма и другие документальные свидетельства, как правило, содержали сведения, необходимые для освещения и обсуждения разных сторон главным образом русской действительности.

Мы не делали никаких разграничений и охотно печатали рукописи литераторов разных «состояний», независимо от взглядов и времени в эмиграции. Мы очень ценили, например, сотрудничество старейшего русского писателя Бориса Константиновича Зайцева, олицетворяющего непрерывность нашей литературной традиции — и рядом помещали произведения новейших эмигрантов, может быть не помышляющих ни о каких традициях. Со всем вниманием относясь к трудам наших известных мыслителей — Н. Бердяева, Н. Лосского, С. Франка, Льва Шестова и других и печатая их, мы тут же давали место и произведениям, ходившим в Советском Союзе в рукописях или попавшим под запрет. Таким образом, свидетельствуя, отмечая самые различные явления и факты, мы «держали руку на пульсе времени».

Приведу список авторов, кроме упомянутых выше, у которых было напечатано по две и больше вещей: Г. Адамович, Л. Алексеева, Т. Алексинская, Г. Андреев, Ю. Анненков, О. Анстей, Ф. Арнольд, Н. Арсеньев, А. Бахрах, А. Бельгард, Н. Берберова, Ю. Большухин, И. Бунин, В. Вейдле, Г. Газданов, А. Даров, В. Дукельский, И. Елагин, Г. Ермолаев, Н. Ефремов, В. Жабинский, В. Завалишин, Е. Замятин, В. Зубов, Ю. Иваск, О. Ильинский, Е. Каннак, А. Кашин, Д. Кленовский, В. Корвин-Пиотровский, М. Коряков, Г. Круговой, А. Кторова, Г. Кузнецова, И. Курганов, С. Левицкий, В. Литвинский, С. Маковский, А. Неймирок, Ю. Одарченко, И. Одоевцева, Н. Осипов, Н. Отрадин, В. Пастернак, Н. Полторацкий, К. Померанцев, С. Прегель, Г. Раевский, А. Ремизов, Л. Ржевский, А. Седых, В. Смоленский, Ф. Степун, Г. Струве, Ю. Терапиано, А. Толстая, А. Тургенева, Б. Филиппов, В. Франк, И. Чиннов, П. Шелестов, А. Шик, Д. Шуб, В. Юрасов. Были напечатаны также переводы рассказов, отрывков и статей иностранных писателей: Марека Гласко, Ольдуса Гэксли, Милована Джиласа, Альбера Камю, Славомира Мржежа, Арнольда Тойнби, К. Трёмонтана, Франсуа Фонтэн, В. Фолькнера, Э. Хэмингуэя, Марселя Эйме и некоторых других.

Этот список показывает, что в «Мостах» печаталось большинство русских зарубежных литераторов нашего времени; говорит он и о разнообразии затрагивавшихся в альманахе тем. И может быть

именно это, в соединении с нашим стремлением не уходить от современности, включая и советскую, и объясняет явление, которое и для меня самого остается не совсем ясным.

Оно в том, что в России обнаружился, я бы сказал, повышенный интерес к «Мостам». Не страдая «мостовым патриотизмом», я старался объяснить этот интерес обычным влечением к запретному плоду — к вольному слову, к темам и материалам, запрещенным на родине, то есть ко всему тому, что содержится и в других русских зарубежных изданиях. И тем не менее приходилось убеждаться, что «Мосты» привлекали к себе в России, по-видимому, больше внимания.

Наиболее прямое подтверждение содержалось, пожалуй, в одном сообщении из Ленинграда, полученном вскоре после выхода десятой книги. Это любопытное сообщение гласило: «Нам известны 'Новый журнал', 'Посев', 'Новое русское слово', 'Мосты'. Недавно был слух, что выпуск 'Мостов' прекращается, — он вызвал большое сожаление, так как ленинградская общественность считает 'Мосты' особенно ценным изданием».

Видные советские писатели старались обзавестись полным комплектом нашего альманаха; известно было и то, что некоторые материалы из «Мостов» перепечатывались, размножались на гектографе и распространялись еще до появления нынешнего «самиздата», в начале 60-х годов. Сборник статей, выпущенный к 50-летию революции тоже под названием «Мосты», был перепечатан таким способом полностью.

Это не могло не радовать нас, тем более, что в эмиграции читателей с каждым годом становится меньше, — если не говорить, что их почти не осталось. В России каждую книгу «Мостов» прочитывают десятки и даже сотни: наш читатель там. И я всегда утверждал, что издавать надо прежде всего для читателя на родине: десяток книг, дошедших туда, стоит сотни распространенных здесь.

Однако это хорошо понимаем мы — и значительно хуже те, от кого, например, зависело финансирование «Мостов». Альманах требовал большой работы (все же мы выпускали, из-за недостатка рукописей, всего по две книги в год, только в 1961 году было выпущено три книги) и довольно больших средств, — но несмотря на хорошие отзывы из России, через некоторое время расходы стали сокращать. И это при том условии, что «Мосты» были почти главным оправданием существования ЦОПЭ, которое, по разным причинам, давно уже находилось в полосе глубокого кризиса, требовавшего принятия оздоровительных мер.

Потом пришел день, когда более высокие чиновники решили: ЦОПЭ надо закрыть. Не перестроить, не улучшить и никак иначе — только закрыть. Да еще было сказано: закрыть так, чтобы и духу его не оставалось.

И я, и некоторые другие лица пытались спасти «Мосты», но безуспешно. То ли потому, что они все же могли напоминать о ЦОПЭ, закрытом по мановению могущественного, но слишком часто равнодушного к сути дела чиновничества, то ли по какой иной причине,

только чиновное усмотрение приговорило к небытию и ЦОПЭ, и «Мосты». И весной 1963 года, на десятой книге, издание «Мостов» под эгидой ЦОПЭ прекратилось.

Сотрудники «Мостов» известие об этом встретили, конечно, с большим огорчением: исчезала дополнительная возможность публикации их трудов. В чиновничьем мире некоторые все же понимали, что «Мосты» не следовало бы закрывать и переговоры еще какое-то время продолжались, но вяло: кто-то «на самом верху» был против, а «низы» опасались перечить своим «верхам». Создавалось впечатление, что «верхи» решили прекратить поддержку эмигрантских изданий (эмигрантских, а не просто зарубежных русских) и добиться отмены закрытия «Мостов» было немыслимо. А меценаты в эмиграции давно перевелись, — денег на выпуск «Мостов» не было.

У меня оставалось несколько рукописей, собралось и немного денег от продажи книг. И спустя год, когда разговоры о финансировании со стороны иссякли окончательно, Ф. А. Степун и я решили попробовать выпускать альманах своими силами, хотя мы знали, что такие издания в эмиграции никогда не окупались и могли выходить только благодаря субсидиям и пожертвованиям. Опять-таки: наши читатели — в отрезанной от нас России, где за книгу «Мостов» платили по 25—30 и 50 рублей, которые дойти до нас не могли.

Возобновить издание «Мостов» мы решили под маркой Товарищества Зарубежных Писателей. Надо сказать и о нем: его иногда считают фикцией, никогда не бывшим, что, я бы сказал, верно только отчасти.

В 1959 году у руководства ЦОПЭ и у тех же чиновников возник вопрос: где брать литературу для отправки в Россию? Имевшаяся, которую выпускало и ЦОПЭ, годилась не совсем: она была политической, явно пропагандной, тогда как пропаганду хотели вести с помощью не только ее.

Это желание фактически совпадало с желанием многих эмигрантских литераторов, которые хотели бы, чтобы их книги попадали в Россию, — но они хотели писать их свободно, не по заказу, без необходимости потрафлять чьим-то вкусам и взглядам. И чиновники с этим как будто бы соглашались. В это время в Мюнхене был Л. Д. Ржевский — с ним и Ф. А. Степуном мы обсудили вопрос и предложили руководству ЦОПЭ следующее: мы учреждаем Товарищество Зарубежных Писателей, оно, по своему усмотрению, будет издавать книги русских зарубежных авторов, для распространения главным образом в России. ЦОПЭ оплачивает типографские расходы по изданию, — за это оно получает от нас почти весь тираж, мы оставляем себе только 15—20 процентов тиража.

Наше предложение было встречено с радостью, казалось, оно как нельзя лучше устраивало всех. Но тотчас же обнаружилось, что чиновничья натура всюду одинакова: чиновникам надо наблюдать, контролировать, указывать, иначе как же они оправдают свое существование?

Поначалу попросили список книг, которые мы могли бы издать в ближайшее время. Составили — список тоже вызвал удовлетво-

рение, в нем появились «галочки»: договаривающаяся сторона хотела получить эти книги в первую очередь.

С этим можно еще было мириться: договор есть договор, он не бывает без компромисса. Но последовало продолжение: председатель ЦОПЭ заявил, что согласие-то есть, однако денег не добавили и расходы должны быть минимальными.

Первой книгой с «галочкой» была моя — «Трудные дороги». Я постарался издать ее как можно экономнее: мелкий шрифт, чтобы получилось меньше страниц, дешевая бумага, неряшливая обложка — и расходы были действительно минимальны, меньше пятисот долларов. В следующем году таким же порядком выпустили книгу Л. Ржевского «Двое на камне».

Третьей была книга Бориса Зайцева, предложенная им для переиздания — «Тихие зори». Но здесь ЦОПЭ оказалось несостоятельным: соря деньгами на нелепейшие затеи и просто на ветер, оно взяло на себя оплату только половины расходов по изданию «Тихих зорь», остальное заплатили мы из выручки от продажи двух первых наших книг. И на этом отношения Товарищества Зарубежных Писателей с ЦОПЭ кончились, больше ЦОПЭ денег на издание книг давать не пожелало. Кто был виноват в невыполнении нашего неписанного договора, руководство ЦОПЭ или чиновники над ним, Бог весть, вероятно и те и другие. Уместно тут заметить, что мы, эмигранты, много виноваты в том, что, по вздорным причинам и без всяких причин, часто лишали себя возможности работать продуктивнее.

Потом мы издали еще несколько книг, либо за счет их авторов, либо на пожертвования, либо авторы издавали свои книги сами, с нашего согласия пользуясь маркой Товарищества. Оно было одобрено многими зарубежными писателями, но, вначале будто бы поддержанное, обречено на прозябание. Был составлен и его устав, с Ф. А. Степуном мы собирались его зарегистрировать: в Западной Германии такие организации подлежат регистрации, но надобность в этом скоро отпала.

Все же оно сыграло некоторую роль. Изданные нами книги дали мизерные деньги, но они составили первый вклад в «фонд», необходимый для выпуска одиннадцатой книги «Мостов», уже в нашем издании, — она вышла в 1965 году, через два года после десятой. Часть расходов была покрыта небольшими пожертвованиями сотрудников альманаха и сочувствующих лиц, а недостающее мы остались должны и потом погасили долг из выручки за эту же книгу.

Тоже с минимальными средствами, в следующем году мы выпустили и двенадцатый альманах, которым я хотел закончить выпуск «Мостов». Двумя книгами мы практически доказали, что еще можем осилить издание такого альманаха самостоятельно, но расходы с каждым годом росли, работы прибавлялось и справляться с ней становилось все труднее. К тому же я собирался переезжать на жительство в Соединенные Штаты, где, я знал, выпустить «Мосты» будет еще труднее. На оставшиеся деньги я выпустил еще, в

1967 году, сборник статей, специально к пятидесятилетию революции.

В Америке однако снова начались настояния, что «Мосты» надо продолжать, была обещана и финансовая поддержка, лицами, как я думал, хорошо знавшими местные условия: они прожили здесь десятки лет. Но они не знали то, что знал я: решение «закрыть, чтобы и духу не было». И нам с большим трудом удалось выпустить еще только два альманаха, почти за четыре года: № 13/14 (двойной номер потому, что сборник статей номера не имел) в 1968 году и № 15 в 1970. Расходы по выпуску последней, пятнадцатой книги возросли по сравнению с одиннадцатой, выпущенной в 1965 году, вдвое, — такие расходы нам стали не по силам.

Вероятно я слишком пространно рассказал о «Мостах», отчасти и в силу старого правила: не было времени написать короче. Но может быть кому-то когда-то будет интересно о них прочесть, — хотя возможно, что недалеко до времен, когда интересы человечества изменятся радикально и наше время с его заботами покажется будущим людям странным и не достойным внимания. Да и состоится ли будущее? История в наш век проделывает такие отчаянные сальто, что можно предполагать самое худшее.

Но не стоит гадать о неизвестном. Во всяком случае думается, что всем нам, писавшим для «Мостов» и помогавшим их издавать, несмотря на все «но», допустимо чувствовать себя в какой-то мере удовлетворенными. Мы выполнили то, что не легкая эмигрантская судьба взвалила на наши плечи.